

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.011

УДК 130.2:304.2

К. А. Куксо*

ЯЗЫКИ ЭПИДЕМИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ**

Статья посвящена осмыслению эпидемического опыта в классической Греции. Так, определяются основы «открытия» данной темы в различных традициях мышления обозначенного периода. Также анализируется специфика артикуляции природы эпидемий, представленной в сочинениях Гиппократов и Фукидида, и раскрывается ее парадигмальный характер для последующих обращений к эпидемическим бедствиям. Автор проясняет условия, предопределившие своеобразие свидетельств об эпидемиях Гиппократов и Фукидида, и их колоссальное воздействие на позднейшие освещения эпидемического опыта.

Ключевые слова: эпидемия, природное бедствие, основы осмысления эпидемии, повествование, Гиппократ, Фукидид, общие причины, социальная история эпидемии, распад социального.

K. A. Kukso

THE LANGUAGES OF EPIDEMIC

The comprehension of the epidemic experience in classical Greece is analyzed in the article. The foundations of the «discovery» of this topic are determined in various traditions of thinking of the period are investigated. Also the specificity of the articulation of the nature of epidemics presented in the works of Hippocrates and Thucydides is analyzed and its paradigmatic role for subsequent narrations about epidemic disasters. The author clarifies the conditions predetermined the originality epidemic reports of Hippocrates and Thucydides and their colossal impact on the later narrations about epidemic experience.

Keywords: epidemic, natural disaster, basics of epidemic's understanding, narration, Hippocrates, Thucydides, social history of epidemic, common causes, disintegration of the social.

---

* Куксо Ксения Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры Истории и теории дизайна и медиакоммуникаций Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна; korsbai@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ».

Описания природных бедствий в античных свидетельствах классического периода имеют выраженный сдержанный характер. Присущий им особый отстраненный тон повествования на некоторый момент заставляет даже усомниться, о реальности ли бедствия идет речь. Для них не типичны риторические приемы, передающие чудовищность происходящего разрушения. И этот минимализм в игре языка, указывая на действительность крайне специфичного хладнокровного отчета о страшнейших катаклизмах, обнаруживает особое отношение к масштабным природным бедствиям, свойственное классической античной мысли. Прежде всего, ей чужд акцент на выдающейся особенности природного катаклизма, упор на выпадение его из ряда других событий. Поэтому и при освещении его в этико-религиозной перспективе, его определении как проявления божества, о нем повествуется наряду с другими событиями. Сверх этого, тяжесть последствий разрушительного явления не вызывает здесь повышенного внимания, в повествованиях о них невозможно слышать сострадание или резиньяцию.

Так, Геродотом в «Истории» неоднократно упоминаются землетрясения, но единственным эмоционально насыщенным в данном ряду рассказом выступает свидетельство о землетрясении, произошедшем при столкновении афинян с эгинцами из-за похищенных последними у эпидаврийцев статуй божеств Дамии и Авксесии. Геродот отмечает, что наступившие бедствием афиняне теряют разум и практически полностью истребляют друг друга:

...внезапно загремел гром и одновременно началось землетрясение. Люди же с триеры, тянувшие канат, от этого потеряли разум и в безумии стали убивать друг друга, как враги, пока из всех их не остался в живых только один, который и возвратился в Фалер [1, с. 261–262].

Показательно при этом, что и замечание о насилии служит прежде всего для подчеркивания несомного землетрясением уничтожения порядка. К тому же в «Истории» не оказывается тотальной и религиозная аура землетрясений — в перспективе Геродота связь их происхождения с волей божества предстает предметом предположения и веры:

Ведь если верить, что Посейдон производит землетрясение, и приписывать этому богу возникшие от землетрясений расселины, то, конечно, посмотрев и на эту расселину, можно счесть и ее делом Посейдона. Расселина эта между горами, по-видимому, возникла под действием землетрясения [1, с. 346].

Еще более сухим стилем, приближаясь почти к полному бесстрастию, излагает обстоятельства землетрясения и наводнений Фукидид. За структурированностью его освещений стихийных бедствий возможно обнаружить активность панорамного зрения, что открывает широкие планы происходящего, нейтрализуя бесконечность деталей:

...из-за продолжавшихся землетрясений в Оробиях... море отступило от тогдашней береговой линии, а затем гигантские приливные волны обрушились на город и частично его затопили, а потом вновь отхлынули, так что там, где раньше была земля, теперь — море. При этом погибло много людей, не успевших заблаго-

временно бежать на высоты. Подобное же наводнение случилось и на Аталанте... причем снесло часть афинского укрепления на острове и разрушило один из двух афинских кораблей, вытасненных на сушу. У Пепарефа море также несколько отступило, но наводнения не произошло; землетрясение же разрушило часть городской стены, пристаней и несколько домов [1, с. 151–152].

Последовательно бесстрашие в отношении к сокрушающей природе проявится и у Платона. Так, в «Тимее» приводится двойной пересказ обращенной к Солону речи одного из жрецов египетского города Саис, из которой следует разобщенность Афин со своим легендарным прошлым именно вследствие череды потопов. Результатом наводнения объявляется общекультурный упадок — уничтожение владеющих навыком письма и вызванное им общеколлективное забвение переходящего из поколения в поколение предания:

... вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране и у вас самих [6, с. 427].

Как результат мощной природной катастрофы отстраненно констатируется и гибель древних Афин, довольно сухо говорится о поглощении за сутки разверзнувшейся землей их воинской силы. Более того, о гибели Атлантиды, произошедшей в этих же обстоятельствах, здесь упоминается крайне лаконично [6, с. 430].

Мотив катастрофы развивается Платоном и в диалоге «Политик». Здесь приводится величественное повествование о трансформациях состояния космоса, включающих в себя и его сквозную катастрофу, влекущую собой присутствие страдательности и гибели в природе происходящего. Так Платон обозначает путь вхождения в существование различных дефективных явлений. Следуя данной перспективе, величайшим из потрясений является смена направления движения космоса, когда он, оставленный демиургом без попечения, сперва движется привычным образом, но после в результате своего свободного отклонения начинает двигаться вспять исходному направлению. Как следствие — начинается новый цикл жизни космоса, где определяющей становится всеобщая тенденция упадка, несущая и подверженность всего существующего гибели, и примешивание к остатку хорошего многого «из того, что ему противоположно», и происхождение людей именно от себе подобных, и насилие при сосуществовании человека с другими живыми существами. По Платону, этот губительный метаболизм космоса прекращается при последующем возобновлении его попечения демиургом, вместе с которым восстанавливаются его всеобщий порядок и нетленность [5, с. 140–142].

Все эти сюжеты дают понять, что колоссальные природные бедствия и даже сквозной для всего существующего слом порядка не выступают в рассматриваемом культурном контексте чем-то исключительным. Наиболее масштабные разрушения предстают моментом жизни космоса, что предопределяет и отсутствие пафоса при изложении обстоятельств самых смертоносных природных явлений.

Вследствие данной установки беспощадность уничтожающей природы в эту эпоху не вызывает пристального внимания, рассказы о погибших в природных катаклизмах не проникаются трагической интонацией. Кроме этого, в данном культурном контексте специфично и место мотива в порядке повествования. Обращение к нему часто возникает при раскрытии иных по содержанию тем: так, речь может идти о фазе распада упорядоченного устройства космоса или адресном наказании божества, и встроенные в данные тематические поля повествования об экстремальных проявлениях природы усиливают при этом уже разворачиваемую смысловую перспективу.

Данные моменты проясняют и специфичность распространенного в обозначенный период отношения к тяжелейшим эпидемиям. Так, свидетельства данного времени не изобилуют описаниями распространения массовых смертельных заболеваний и жизни населения, испытывающего на себе их давление, что невозможно объяснить оптимистической картиной состояния здоровья этой эпохи. В трактате «О воздухе, водах и местностях», известном в Античности как сочинение Гиппократов, в ходе изложения клинического опыта для странствующих врачей лихорадки, нарушения пищеварения, чахотка и дизентерия упоминаются помимо других заболеваний как типичные при определенных метеорологических условиях [3, с. 279–292]. Вероятно, характерное для этого периода усмотрение в феномене тяжелых эпидемий одного из проявлений слома космического порядка, с возможным акцентом и на участии божества, и обусловило неразвитость специализированного языка для раскрытия их малопонятной природы. Здесь состоялись две масштабные артикуляции стихии уносящих жизни болезней, но в обоих случаях обращение к эпидемическому опыту осуществлялось только в связи с развитием более обширной тематики. И семантическое различие этих языков неслучайно, в них многосоставная фактичность эпидемии определялась в конкретных перспективах. Они акцентировали сущностные черты эпидемии из избранных точек зрения и оформляли тем самым ее реальность. В многочисленных отчетах об эпидемических бедствиях последующих эпох угадывается зависимость от данных языков, что позволяет предполагать их парадигмальный характер в отношении принятых в европейской культуре способов толкования эпидемического опыта.

Итак, в истории греческого мышления классического периода есть произведение, где с вхождением в детали излагаются результаты врачебного опыта эпидемических заболеваний. Так, в «Эпидемиях» Гиппократов и его традиции анализ массовых заболеваний сопровождается материалом их конкретных случаев. И интересно, что в разворачиваемом здесь подходе узнаются некоторые из принципов гиппократовского канона терапии, размеченная в данном контексте территория эпидемиологии имеет явную принадлежность к общим установкам врачебного мышления Гиппократов. Данное обстоятельство открывает, что представленное здесь исследование эпидемий реализовывалось как выражение более обширного по содержанию познавательного предприятия.

Чтобы понять характер этого только возникающего эпидемиологического дискурса, обратимся к особенностям восприятия и терапии массовых заболеваний, изложенным в первой и третьей книги «Эпидемий», исторически связываемыми с клиническим опытом самого Гиппократов. В данном сочине-

нии представлены заключения из практики массовых заболеваний населения самого северного из островов Эгейского моря Фасос и случаи болезней жителей Абдер, Кизика, Лариссы. Согласно ему, тяжелые недуги из довольно обширного нозологического перечня регулярно возмущали повседневность жителей Фасоса. В нем упоминаются «самая трудная и наиболее уносящая людей» чахотка, дизентерия, тенезмы, лиентерея, лихорадки, френиты, горячки, рожа с гангренозными разрушениями, карбункулы, неконкретизированные септические заболевания, катаральные болезни глаз. При этом фиксируется и их вездесущность: им подвержены представители самых различных социальных групп — рабы, подростки, носители неясных социальных статусов, среди которых упомянут и недужащий «после работ... и образа жизни мало регулярного» [2, с. 380], и слегший в постель «вследствие напитков и половых излишеств» [2, с. 389].

В основе развернутого здесь восприятия болезней — рассмотрение зависимости телесных патологий от метеорологических условий, представленных комплексами влажности, характера осадков, тепла, силы и направления ветра. Так, массовые недуги отслеживаются во взаимосвязи со своеобразием каждого сезона определенного по качественному составу года. Постольку очевидно, что в данном эпидемиологическом подходе разворачивается характерная для гиппократовской медицины космологическая перспектива понимания болезней.

Для его краткой реконструкции достаточно отметить, что принципиальное для данной традиции определение болезни как сбоя равновесности образующих тело влаг детализировалось с акцентом его взаимосвязи с метаморфозами качественного состава мира. Согласно этому взгляду, тела включены в порядок мировых стихий, вследствие чего в их состояниях выражаются тенденциозные изменения вселенной природы. Будучи встроенными в природу, они пронизываемы для ее смесей — состояния тел зависимы от их состава. Так, следуя одному из представителей гиппократовского круга, зимние тела — это тела с избытком холодной влаги, который проявляется в насморках, отеках и водянке; теплая влага, переполняющая весенние тела, вызывает в них дизентерийный переизбыток крови; летние и осенние тела, испытав на себе желчегонную сухость, впадают в лихорадки [4, с. 201–203].

Кроме того, принципиальной для данного подхода к эпидемиям выступает своеобразная аскетика наблюдения. Характерный для гиппократовской медицины императив непрерывного наблюдения за течением болезни, фиксации именно различий в симптомах конкретного случая заболевания проявился в «Эпидемиях» насыщенными описаниями патологической симптоматики. И показательны в них наглядность, серьезность в нюансировке и упоминания даже осязательных качеств симптомов: так, большинству одолеваемых лихорадкой беременных женщин свойственна «моча... хорошего цвета, но тонкая» [2, с. 342]; «осадок мочи... обильный — белый и гладкий... На 80-й день... обильный пот, а осадок мочи красный, гладкий» [2, с. 354] отслежен у охваченного лихорадкой блуждающего характера. В «Эпидемиях» также с дотошностью деталей выписаны и различия близких проявлений болезней. При этом даже небольшие различия в конфигурации и характере симптомов становятся важны для определения характера патологии. Так, например:

При лихорадке непрерывной протекают болезни самые острые, самые большие, самые тяжелые и самые губительные. Но из всех самая безопасная, самая легкая и самая продолжительная лихорадка — четырехдневная, ибо не только она сама по себе такова, но также освобождает от других опасных болезней. ... Непрерывная лихорадка у некоторых тотчас, как начнется, цветет, достигает наибольшей силы и доводит до самого тяжелого состояния, но около кризиса и в самом кризисе уменьшается. У некоторых же она начинается тихо и скрытно, возрастает со дня на день и ужесточается, но под кризис и во время кризиса обнаруживается во всей своей силе. Есть случаи, когда она после умеренного начала усиливается и ожесточается — и ослабевает, дойдя до известной высоты снова близ кризиса и в самом кризисе [2, с. 348].

По отношению к этой запутанной и разрастающейся фактичности болезней терапевтическим значением наделяется усилие выделения общего. Речь идет о различных теоретических процедурах, способных обнаружить в неопределенной реальности опасных заболеваний единство признаков, логики развития, исхода. Так, важнейшей процедурой медицинского искусства объявляется способность предугадывать будущее развивающегося заболевания на основании сравнения сходной симптоматики. Со знанием типичных признаков болезни и изменения ее характера при проявлении таковых связывается понимание последовательности, фаз ее развития [2, с. 348–349], а при благоприятном прогнозе — установление благотворного для выздоровления режима [2, с. 348]. Постольку данные наброски истории и прогностики заболеваний представляют защитную линию от опасности проявляемого в них становления.

Однако «Эпидемии» изобилуют свидетельствами о смертельных исходах болезней, в которых обращает на себя внимание предельно сдержанный характер. Лаконичность и сухость их стиля связаны, вероятно, с еще одним парадигмальным для гиппократовской медицины принципом: жестко удерживать границы искусства врачевания. Так, данная традиция сосредотачивалась на природе, где прослеживался естественный процесс исцеления, территории же хаоса и воплощающие ее тела, лишенные признаков восстановления в себе порядка, выводились за пределы медицинской компетенции. Этой установкой может быть обусловлено отсутствие в «Эпидемиях» развернутой формы сообщения о летальных исходах и кажущийся за ним ледяной штиль эмоциональной вовлеченности в факт смерти.

Другое показательное свидетельство эпидемического опыта представлено в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида. Разностороннее по содержанию и довольно подробное в деталях описание Фукидидом катастрофичной для классических Афин эпидемии, исторически известной как эпидемия чумы, вызвало не только дальное действие в пределах Античности (к нему обращались Лукреций, Дионисий Галикарнасский, Марк Манилий, Плутарх, Гален [8, р. 9–10]), но послужило и устойчивым образцом для позднейших освещений эпидемического опыта. А потому интересно рассмотреть, какие именно сюжетные линии сделали его образцовым примером для повествований о пандемиях.

Уже одиозная манифестация уникальности и целей «Истории» позволяет заключить о необходимом характере выстраиваемого в ней смыслового поля. Позиционируя ее как полностью избавленную от произвольности, фикцио-

нального характера сочинений логографов и очищенную от тяжести монументальных моделей прошлого, Фукидид прямо провозглашает авангардизм разворачиваемого исторического исследования. В содержательном плане оно объявляется актуальной историей настоящего, а по форме — способной передавать вечную суть событий теоретической оптикой:

Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто... предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. ...Нынешняя же война... докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более важным, чем прежние войны. ...Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным, но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей [7, с. 13–14].

Данная авторефлексивная позиция Фукидида убеждает, что избранные характер и структура нарратива об афинской эпидемии должны исполнить собой определенный смысл. Кроме этого, Фукидид закрепляет за устанавливаемыми каузальными связями между событиями этико-практическую значимость, он представляет свой исторический нарратив как ценный путеводитель для будущих поколений, освещающий возможные следствия влиятельных в социальном плане решений и выборов. Аналогично и на рассказ о развитии эпидемии возлагается дидактическое предназначение. Благодаря его последовательности и порядку, создаваемыми различными способами языковой структурированности, в реальности эпидемии обнаруживается логика, характеризуются ее тенденциозные явления, оцениваются сопутствующие ей мероприятия. И извлеченный посредством повествования из афинского бедствия опыт позиционируется в отношении будущих эпидемических вспышек как эйдетический и поэтому обладающий для их очевидцев колоссальным значением.

Показательно, что данная реконструкция испытанного самим Фукидидом эпидемического опыта имеет два взаимодополнительных уровня. Так, «История Пелопонесской войны» содержит подробный клинический отчет, где последовательно освещаются траектория движения эпидемии, степень ее тяжести, симптоматика заболевания и поведенческие реакции зараженных. Несложно заметить, что дискурс об истоках эпидемии здесь отделен от описаний свирепствования чумы, при этом и анализ распространения заболевания, и рассмотрение признаков заражения имеют натуралистический характер. Мы узнаем об естественном пути распространения чумы. Фукидид представляет и выразительные, исполненные физиологическими деталями картины болезни и несомого ей массового умирания:

У других же, до той поры совершенно здоровых, без всякой внешней причины вдруг появлялся сильный жар в голове, покраснение и воспаление глаз. Внутри же глотка и язык тотчас становились кровавокрасными, а дыхание — прерывистым

и зловонным. (3) Сразу же после... больной начинал чихать и хрипеть, и через некоторое время болезнь переходила на грудь с сильным кашлем. Когда же болезнь проникала в брюшную полость и желудок, то начинались тошнота и выделение желчи всех разновидностей, известных врачам, с рвотой, сопровождаемой сильной болью. (4) Большинство больных страдало от мучительного позыва на икоту, вызывавшего сильные судороги. Причем у одних это наблюдалось после ослабления рвоты, у других же продолжалось позднее. (5) Тело больного было не слишком горячим наощупь, и не бледным, но с каким-то красновато-сизым оттенком и покрывалось как сыпью маленькими гнойными волдырями и нарывами. Внутри же жар был настолько велик, что больные не могли вынести даже тончайших покрывал, кисейных накидок... и им оставалось только лежать нагими, а приятнее всего было погрузиться в холодную воду. Мучимые неутолимой жаждой, больные, оставшиеся без присмотра, кидались в колодцы; сколько бы они ни пили, это не приносило облегчения. (6) К тому же больной все время страдал от беспокойства и бессонницы. ...И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей: (8) болезнь поражала даже половые органы и пальцы на руках и ногах, так что многие оставались в живых, лишившись этих частей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих родных [7, с. 85].

И ниже:

Люди умирали одинаково как при отсутствии ухода, так и в том случае, когда их хорошо лечили. Против этой болезни не помогали никакие средства: то, что одним приносило пользу, другим вредило. (3) Недуг поражал всех, как сильных, так и слабых, без различия в образе жизни... (5) И эта чрезвычайная заразность болезни и была как раз главной причиной повальной смертности [7, с. 86].

Данный натуралистический подход позволяет заключить о солидарности Фукидида с медицинскими установками своего времени. При этом Фукидид выражает полную лояльность к суждениям о причинах эпидемии и ее колоссальной активности каждого из очевидцев чумы, тем самым, вероятно, маркируя ограниченность любого возможного для его современников знания в отношении экзотизма болезни.

К мотиву всецело разламывающей уклад обыденности эпидемии Фукидид возвращается неоднократно. Необычность болезни описывается как «превышающая любые средства выражения», за ее силой закрепляется степень, «которую не могла вынести человеческая природа» [7, с. 85]. Так, повествование изобилует замечаниями об экстремальном характере несомого эпидемией опыта, где отмечается слом структурированности жизни, утрата порядка в ее самых различных областях. Это показательный способ выражения своеобразия эпидемического бедствия, в котором угадывается особый прием: здесь акцентируются те его проявления, которые сгущают значения стихийности и ужаса войны. Повествование об эпидемическом бедствии в случае Фукидида усиливает выразительность его основного предмета — милитаристской стихии, а его теоретическая оптика, предполагающая сосредоточение на тотальных феноменах и показ своего времени как решающего в истории, обуславливает концентрацию внимания именно на социальных выражениях чумы и подчеркивание среди них наиболее разрушительных.

Так рождается рассказ об эпидемии как пространстве распада социального и утраты исходных для человеческого сил. Фукидид делает емкое замечание об упадке центральных социальных традиций и радикальной разобщенности, разъедающих пораженные чумой Афины. Он насыщенно описывает регресс социального мира к полной аморфности, отмечая истощение ресурсов разнородных врачебных традиций, нарушение афинянами принятых погребальных обрядов, поражающее своим нарастающим характером безразличие к благочестию:

(3) Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь сломленные несчастьем люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам. (4) Все прежние погребальные обычаи теперь совершенно не соблюдались... [7, с. 86].

Следуя Фукидиду, размах эпидемии приближал и катастрофу человеческого, предельно подрывая исходную для него волю к соучастию — вынужденное одиночество и упадок ценностных таблиц были непреложной чертой данной эпидемической вспышки:

Когда люди из боязни заразы избегали посещать больных, то те умирали в полном одиночестве... [7, с. 86];

...с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. ...можно было видеть, как умирали богатые и как люди, прежде ничего не имевшие, сразу же завладевали всем их добром. (2) Поэтому все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. (3) Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. (4) Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений [7, с. 86–87].

Все эти повествовательные выборы Фукидида позволили состояться мощному способу выражения социального и антропологического катастрофизма свирепствования чумы. И им, вероятно, был предreshен характерный для европейских реконструкций масштабных эпидемий акцент: разрушение божественных и человеческих законов как неизгладимая черта пандемии будет отмечаться и в отчете Боккаччо о флорентийской Черной смерти, и в дневнике Великой лондонской чумы Дефо.

В классической Античности таким образом сформировалась проработанная выразительность для реальности эпидемии, которая создала и образцовые способы ее понимания. Так, Гиппократ сосредоточится на ценности определения общих причин широко распространенных заболеваний и анализе эпидемического фактора, что при последующем развитии эпидемиологического интереса выступит условием открытия наиболее надежного способа противодействия повальным болезням. Фукидид в наброске социальной истории чумы акцентирует упадок основополагающих для существования сообщества традиций.

К этому измерению эпидемического опыта будут с постоянством обращаться и его позднейшие реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История в девяти книгах. — Л.: Наука, 1972. — 600 с.
2. Гиппократ. Эпидемии, книги I и III // Гиппократ. Избранные книги. — Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. — С. 329–392.
3. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги. — Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. — С. 275–306.
4. Гиппократ. О природе человека // Гиппократ. Избранные книги. — Гос. Изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. — С. 196–211.
5. Платон. Политик. — СПб.: Платоновское философское общество, 2019. — С. 105–211.
6. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 421–500.
7. Фукидид. История. — Л.: Наука, 1981. — 544 с.
8. Cohn S. K. Epidemics: Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 643 p.